

Научная статья
УДК 82-94:281.93(571.5)
doi: 10.17223/19986645/86/12

Путевые дневники и воспоминания протоиерея П.В. Громова: к вопросу о художественности сибирской духовной словесности конца XIX в.

Софья Владимировна Мельникова^{1,2}

¹ *Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека
им. И.И. Молчанова-Сибирского, Иркутск, Россия*

² *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*
^{1,2} *memuaristika@yandex.ru*

Аннотация. В путевых дневниках и воспоминаниях о святителе Иннокентии (Вениаминове) протоиерея П.В. Громова выявляются признаки модернизации традиционных для церковной словесности форм художественного освоения действительности за счет их беллетризации, усиления авторской субъективности и стремления к романному типу завершения. Возникающий в результате конфликт между окказиональной (человеческой) и императивной (Божественной) картинками мира разрешается их примирением в изображении высшей реальности, что сближает поэтику сочинений сибирского автора с принципами «христианского реализма» русской классической литературы.

Ключевые слова: сибирское православное духовенство, П.В. Громов, христианский реализм, путевая проза, мемуары, автобиография, беллетризация, романизация

Для цитирования: Мельникова С.В. Путевые дневники и воспоминания протоиерея П.В. Громова: к вопросу о художественности сибирской духовной словесности конца XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 214–229. doi: 10.17223/19986645/86/12

Original article
doi: 10.17223/19986645/86/12

Travel diaries and memoirs of Archpriest Prokopiĭ Gromov: On the artistry of Siberian spiritual literature of the late 19th century

Sofya V. Melnikova^{1,2}

¹ *Irkutsk Regional State Universal Scientific Library named after I.I. Molchanov-Sibirsky,
Irkutsk, Russian Federation*

² *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*
^{1,2} *memuaristika@yandex.ru*

Abstract. Rethinking the role of the Christian tradition in the development of Russian culture in modern scholarship, the search for contact between secular and spiritual

literature, and the need to restore forgotten names and texts of spiritual writers determines the problems and relevance of this article. The key theoretical concepts of the work are: tradition, innovation, novelisation, fictionalisation, Christian realism. The material for analysis are works by Archpriest Prokopy Gromov (1801–1880): travelogues “What Fate Has Brought Me to Kamchatka” and “The Trip from Irkutsk to Kamchatka” (1869), and “Memoirs of a Contemporary about His Eminence Innocent, Metropolitan of Moscow” (1879), which form the “Kamchatka cycle” in Gromov’s literary works. Gromov was a church historian, hagiographer, and publicist, well-known in Siberia in the 19th century. His texts are allied to such popular clerical forms of writing as episcopal and missionary reports, as well as memoir obituaries, which retain a link with the hagiographic tradition even in the 19th century. At the same time, his writings show signs of fictionalisation and novel narrative characteristic of secular literature. Fictionalisation is interpreted as a way of manifesting authorial subjectivity and artistic consciousness. The novel is understood in accordance with Bakhtin’s theory as a non-canonical genre, with its characteristic incompleteness, stylistic syncretism and dialogism. Using the poetics of contrast and other artistic techniques, Gromov depicts two pictures of the world – adventurous (occasional, or “human”) and imperative, constructed according to the Divine plan. The hero of his memoirs, St. Innocent (Veniaminov), despite the outwardly adventurous picture of his biography, fully realizes his spiritual and apostolic predestination, while Gromov, the author of the memoirs, balances on the border between the human and the spiritual, which determines the drama of his image. He sees justification for his life in the life of another, more perfect man, a Christian and a priest, whose colleague and friend he happened to be. The relationship between the autobiographical and the memoiric, the dialogue between the author’s “Self” and the “Self” of the other, which is the subject of the author’s reflection, provides the basis for an artistic generalisation of the novel type. Gromov’s relationship with St. Innocent creates a higher, spiritual reality in his texts, which allows defining them as a manifestation of “Christian realism” in its understanding proposed by Zakharov and Esaulov. Christian realism determines the specificity of writings not only by Gromov, but also by other authors from the clergy – Archbishop Nil (Isakovich), Archbishop Veniamin (Blagonravov), St. Gerasim (Dobroserdov). Together, they form a special, different from secular, version of the Siberian text that unites the regional Siberian literature with centuries-old traditions of Christian literature and their reflection in the Russian classics.

Keywords: Siberian Orthodox clergy, Prokopy Gromov, Christian realism, travel prose, memoirs, autobiography, fictionalisation, novelisation

For citation: Melnikova, S.V. (2023) Travel diaries and memoirs of Archpriest Prokopy Gromov: On the artistry of Siberian spiritual literature of the late 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 214–229. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/86/12

Начиная с 1990-х гг. в контексте общего обновления исследовательской парадигмы отечественного литературоведения формируется новый взгляд на роль христианской традиции в развитии русской культуры [1, 2], ранее, в силу объективных исторических причин, недооцененную или замалчиваемую. Актуальной становится задача, с одной стороны, переосмысления русской классики с христианских позиций [3], что отражается в новых категориях ее интерпретации, таких как пасхальность и соборность [4], с другой – возвращения в концепцию национального историко-литературного про-

цесса самой духовной словесности – забытых или неизвестных имен и текстов духовных писателей [5]. Особое значение в таком контексте приобретает поиск точек соприкосновения духовной словесности и светской литературы – общих для них тем, а также синтетических или переходных художественных форм. Примеры подобного взаимодействия дает не только литература центра: учет наследия провинциальных, в том числе сибирских авторов, помогает правильно оценить масштабы явления.

Выдающимся представителем восточно-сибирского православного духовенства XIX в. являлся иркутский и камчатский протоиерей Прокопий Васильевич Громов (1801–1880). Его имя нельзя отнести к разряду неизвестных: в науке отмечена его роль как одного из первых сибирских архивистов и историков [6. С. 198–200], как краеведа, церковного деятеля и первого редактора «Иркутских епархиальных ведомостей» [7, 8] а также как агиографа [9. С. 120–146]. Однако Громов заслуживает изучения и как писатель, своеобразии сочинений которого определяется соединением в них традиций духовной и светской литературы. Недостаточным раскрытием этой темы и определяется специфика нашего интереса к его наследию.

Первая статья, посвященная П.В. Громову, была опубликована нами в 2007 г. [10]. Ее предметом стали «Припоминания современника о высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском» – одно из последних и, безусловно, лучших его сочинений. «Припоминания...» посвящены Иннокентию (Вениаминову (Попову) Ивану Евсеевичу), первому Камчатскому, Курильскому и Алеутскому епископу, впоследствии митрополиту Московскому и Коломенскому, святителю. Громов был знаком с Иннокентием по Иркутской семинарии, несколько лет служил под его началом на Камчатке, до конца жизни состоял в переписке. Впервые «Припоминания...» были опубликованы в 1879 г. частями в прибавлениях к «Иркутским епархиальным ведомостям» и с тех пор не переиздавались. В 2014 г. автором настоящей статьи в соавторстве с Т.А. Крючковой было подготовлено их современное комментированное переиздание [11].

При анализе «Припоминаний...» нами были отмечены, с одной стороны, их связь с традициями христианской литературы, прежде всего агиографии, с другой – черты беллетризации повествования и выход автора на проблематику романного уровня. В настоящей статье данная тема будет продолжена и развита на более широком круге мемуарных сочинений писателя с учетом травелогов – «Какими судьбами я был управлен в Камчатку» [12] и «Путь из Иркутска в Камчатку» [13]. Эти путевые дневники были опубликованы в 1869 г. в «Иркутских епархиальных ведомостях», но описываются в них события 36-летней давности, когда Громов, молодой иркутский священник, был назначен к служению на далекую Камчатку, где ему было суждено провести почти 12 лет. Таким образом, вместе с «Припоминаниями...» они образуют камчатский цикл в творчестве писателя¹.

¹ Подробнее о камчатском периоде в его служении и научной деятельности см.: [14].

Правомерность и научная продуктивность параллельного рассмотрения мемуарно-автобиографической и путевой прозы обусловлена реалиями самой сибирской жизни. Не только миссионеры, но и другие сибиряки (чиновники, военные, торговцы и промышленники) были вынуждены перемещаться на большие расстояния, буквально проводить свою жизнь в путешествиях, которые и становились основными событиями биографии. И потому путевой нарратив был часто трудно отделим от мемуарно-автобиографического, что, в свою очередь, создавало дополнительные возможности для их общей беллетризации и романизации.

Под беллетризацией понимается привнесение в документальную, публицистическую и научно-популярную литературу элементов художественного повествования. В мемуарной литературе беллетризация служит формой выражения «субъективно-личностных установок пишущего», индивидуальных нарративных стратегий и способов выражения художественного сознания, проявляющегося в том, на какие литературные образцы и тенденции автор ориентируется¹. Таким образом, представление о беллетризации мемуаров выводит на проблему соотношения в них документального и художественного, реально бывшего и вымышленного, объективного и субъективного.

В пределе своем беллетризованный нарратив стремится к романным формам. В соответствии с теорией М.М. Бахтина и уже сложившейся традицией ее интерпретации [16, 17] мы определяем роман как неканонический жанр, обусловленный не внешними признаками, но «внутренней мерой». Для романа характерны смысловая незавершенность, стилистический синкретизм, авторская самоирония, диалогизм. Предмет романного описания – современность, а сам роман – это «пространство становящегося настоящего», в котором мир утрачивает завершенность с точки зрения смысла и ценности. В центре романного мира – человеческое «Я», вырастающее из этого же мира в процессе его творческого освоения. Романная проблематика определяется взаимодействием авторского «Я» и «Я» другого.

В основе травелогов сибирского духовенства лежал церковный документ, так как составление путевых журналов и отчетов входило в служебные обязанности миссионеров, а также лиц, сопровождавших владык в их обзорных поездках по епархии. Этим объясняется достаточно большое количество текстов: в дореволюционной и современной библиографии [18] отражено не менее 400 травелогов сибирского православного духовенства XIX – начала XX в. Однако развитие жанра шло по пути усиления субъективного авторского и нарративного начала и появления рефлексивных форм, что и демонстрируют травелоги протоиерея П.В. Громова.

Художественное значение имеет уже само заглавие – «Какими судьбами я был управлен в Камчатку». Оно не стандартно для травелогов, как правило

¹ Подробно эти механизмы рассмотрены, в частности, Н.В. Константиновой на материале женских травелогов, в том числе сибирячки Е.А. Авдеевой-Полевой [15].

ограничивавшихся жанровым определением (записки, дневник, путешествие) и указанием на маршрут. Подобное заглавие – признак развитой авторской рефлексии [19], в нем зашифрована формула будущего повествования, в центре которого – авторское «Я», единство автобиографического нарратива определяется слиянием категорий пути и судьбы, пассивный же залог («был управлен») задает интенцию философскому размышлению над природой силы, влияющей на судьбу автора.

Первые строки текста служат, по сути, продолжением заглавия и раскрывают его смысл: «Стопы человека уготовляются от Господа – судьба наша исходит от лица Его. Эта истина с особенною очевидностью открылась надо мною в назначении меня в Камчатку. Сказать надобно, что посаженный в 1824 г. на консисторский стул, почему-то с особенным любопытством раскрывал я почту, через полгода приходившую в Иркутск от Камчатского духовного правления. Вот, размышлял я, есть же сторонка, далекая от нас, где ездят на собаках, спят под вулканами, имеют возможность перемолвить с прочими местами России только дважды в год, между тем видно, что там те же люди, такая же бумага и те же чернила, как и у нас; ведь хотя бы этот рапорт там был писан в какой-нибудь юрте или в похожей на юрту избе; ведь прописывал же его где-то, на каком-то столе тамошний уроженец протоиерей Никифор Никифоров; взглянуть бы на этого древнего, диковинного старца. Так раздумывал я. Однако же в голове не держал, чтобы быть когда-нибудь в этой, так холодно, по сказаниям, дышащей стране, да если бы когда и встрепенулось во мне подобное желание, я бы сам испугался этого желания» [12. № 2. С. 16]. Таким образом, к тексту Громова применимы слова С.Д. Кржижановского: «... заглавие раскрывается в книгу: книга и есть – развернутое до конца заглавие, заглавие же – стянутая до объема двух-трех слов книга» [20. С. 7].

Вступление звучит одновременно иронично и философски. То, что сам повествователь не мог предположить для себя даже в качестве рискованной авантюры – отправиться на Камчатку, предопределено ему Промыслом Божиим. Таким образом, сталкиваются *две картины мира: авантюрная (окаzionale, или «человеческая») и императивная (в данном случае выстроенная по Божественному замыслу)*. Контраст между человеческой логикой и высшей волей и определяет сюжет дальнейшего повествования – рассказ о неожиданной встрече и неосторожно данном обещании.

Еще в 1825 г., как Громов вспоминает в «Какими судьбами...», на обеде у иркутского епископа Михаила он встречается с направляющимся на Камчатку морским офицером. Завязывается разговор о подвигах о. Иоанна (Вениаминова), отправившегося миссионером к берегам Америки. И Громов со своим товарищем по Московской академии К. Шастиным выражают готовность этот подвиг повторить [12. № 2. С. 17]. Проходит несколько лет, и начальник Камчатки А.В. Голенищев, а именно им оказался проезжий офицер, вспоминает данное ему обещание. Голенищев, решивший переменить малообразованное камчатское духовенство, рекомендовал Синоду Громова как «публично давшего слово». «Вот тебе! – подумал я, – попался!» [12. № 2.

С. 21]. Но на этот раз на полуостров отправляется Шастин: Громова спасает беременность жены. На проводах Шастина о. Прокопий дает новое обещание Голенищеву отправиться на полуостров после того, как его товарищ выслужит в Камчатке урочные пять лет. «Припомню!» – сказал Голенищев. И припомнил!» [12. № 3. С. 30]. Таким образом, через 8 лет после роковой для себя встречи Громов, с уже многочисленным к тому моменту семейством – женой и четырьмя детьми, отправляется на Камчатку.

«Какими путями...» – это автобиографическое вступление к основной части, собственно путевому дневнику, озаглавленному «Путь из Иркутска в Камчатку». Но это и вступление к «Припоминаниям...»: описанный эпизод из биографии автора «отзеркаливает» эпизод из биографии его героя, который и служит завязкой всей истории. Однако если у самого Громова история с отъездом затягивается на годы, с о. Иоанном события развиваются стремительно, а само решение уже семейного, имеющего свой дом, любимого прихожанами священника оставить все и отправиться в Америку, буквально на край света, изумляет все иркутское духовенство, начиная с владыки. Пытаясь объяснить, о. Иоанн, как указывает Громов, «отвечал, что встретился с одним выходцем из Америки, и от него наслушался о глубокой преданности алеутов православной вере и церкви, об их простосердечии, безлбии, прямотушии и возгорелось у него желание послужить среди таких чад Царствия Божия, а с тем вместе *посмотреть и новую часть света*» [11. С. 33].

Вновь, как и в случае с самим Громовым, возникают авантюрная и императивная картины мира. Иннокентий в равной степени принадлежит обоим, что подтверждает верно подмеченное в нем Громовым любопытство путешественника «посмотреть новую часть света». Однако между самим автором и его героем, при соотнесении этих эпизодов, обнаруживается существенная разница: если о. Прокопий всячески сопротивляется Божественному предопределению, то о. Иоанн отдается ему со всей душой и доверием, сам становится его орудием.

Сюжет травелога «Путь из Иркутска в Камчатку» организован как цепь новелл, описывающих сложности и опасности путешествия. Сначала путь лежит по Лене – и это относительно легкий и безопасный участок, но от Якутска до Охотска каравану приходится более месяца пробираться на лошадях с проводниками-якутами по непроходимой тайге: «...лошади издыхали под нами: надобно было беречь только ноги, чтобы не придавило при непредвиденном падении лошади. Пешком, по причине сплошных топей, идти было никому невозможно... Вечером почтовый ящик велел разложить нам большие огни для устрашения во множестве водящихся здесь медведей и новых пяти беглецов с завода... переезжали несколько бродов, где старый Николай только и молился, чтобы баранчуков (детей) не утопить... Где утешение в таком случае? В молитве» [13. № 16. С. 198–199]. Повествование динамично, а основная авторская эмоция – страх за близких.

Кульминацией путешествия становится встреча на Алдане с разбойником Горкиным, образ которого выстраивается Грозовым по принципу романтического контраста и напоминает образы «благородных разбойников». «Горкин сидел, глубоко задумавшись, на лавке в переднем углу кузницы... При входе моем он встал и молча принял от меня благословение... Я сел подле Горкина и с горестным чувством смотрел на павшего, отчуждившегося от общества человеческого, одичавшего подобно зверю, носившего на душе своей сотни убийств, на человека, собрата, со-христианина. Стройный и плотный стан, довольно высокий рост, нежное при всем загаре и отпечатке диких страстей лицо, карие, приятные, но постоянно опущенные вниз, как бы не смеющие вознестись на Небо, глаза; волосы в кружок, и тихий разговор – таковы отличительные черты Горкина. Ему казалось лет 30». [13. № 6. С. 76–77].

Ближайший литературный контекст к этому эпизоду в записках Громова – повесть «Сохатый» (1830) Н.А. Полевого и «Капитанская дочка» (1836) А.С. Пушкина (знаменитый пугачевский заячий тулуп)¹. Но отличие в том, что у Громова взгляд на разбойника – это взгляд священника, который хотел бы видеть в нем, прежде всего, потенциального раскаявшегося грешника: «...как бы не смеющие вознестись на Небо, глаза...». И в этом плане романтический контраст наполняется более глубоким христианским смыслом: сожалением о несовершенстве мира и в то же время ощущением его единства. Одичавший зверь и душегуб – это все же человек, более того, собрат во Христе. Тем самым закладывается надежда на воскресение или, по терминологии, предложенной И.А. Есауловым, реализуется пасхальный архетип.

В многотрудном путешествии Громов и его спутники сталкиваются не только с опасностями и приключениями, но и с суетой и рутиной обыденной человеческой жизни. В Охотске их ждет вынужденная задержка, связанная с тем, что осень – это традиционное время балов и других увеселений, и капитан единственного судна, на котором можно добраться до Камчатки, не желает отказывать себе в удовольствиях. Собственный контраст с охотским обществом автор иронично подчеркивает с помощью библейской параллели: «Чиновные и купечество, знакомые прежде и совсем неведомые, нахлынули в дом протоиерея смотреть на нас, подобно Израильтянам, чудно прошедшим чермное море» [13. № 17/18. С. 217].

Морское плавание до Петропавловского порта также не проходит без дрязг и суеты, вызванной конфликтом капитана и штурмана. Контраст создает образ океана, дающий автору повод к размышлению о Божьем величии: «Киты играли во множестве не вдалеке от нашего судна. Стоишь, смотришь на восток, а с запада раздается будто залп из пушек. Оборотится, видишь на поверхности моря огромный столп воды, – он медленно обращается

¹ Путешествие Громов совершает в промежутке между публикацией этих произведений. Однако издавая свои путевые дневники в 1869 г. при этом редактируя и литературно обрабатывая дорожные записи, Громов уже мог ориентироваться на сочинения Полевого и Пушкина как литературные образцы.

в брызги и рассыпается... туловище... перегибается над морем в виде арки, голова касается воды, выказывается хвост... и наконец животное ныряет... Подобные картины были живописуемы Порфироносным Давидом: «Как многочисленны, – восклицал он, – дела Твои, Господи!... и вот левиафан, которого Ты сотворил играть в море!» – цитирует Громов строки 103-го псалма, воздающего хвалу Господу как Творцу мира [13. № 20. 252–253].

Завершается травелог описанием Петропавловского порта – конечной цели путешествия: «В распадке с юга на север показались хижины пресловутого Петропавловского порта, крытые травой, не исключая дома начальника Камчатки. Ближе к берегу стояла крытая тесом низменная церковь, но в таком еще среди самого распадка углублении, что едва можно было отличить ее от хижин обывательских. При виде зданий у меня выкатились слезы жгучие, как будто предвещавшие мне особенное горе в этой пустыне...» [13. № 20. С. 254]. Финал, таким образом, остается драматически открытым: автор не смирился со своей новой судьбой и не готов к ее приятию. Смысл его камчатского предназначения раскрывается уже в «Припоминаниях современника о высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском».

«Припоминания...» были написаны и опубликованы в 1879 г., в год смерти митрополита Иннокентия. Формально они представляли собой развернутый некролог-воспоминание. Составление некрологов обо всех, чемлибо замечательных представителях духовенства и их публикация в епархиальных ведомостях и других церковных журналах были широко распространенной и фактически обязательной в духовной среде практикой. Некрологи являлись полуофициальными документами и составлялись с использованием данных формулярных списков и других документальных источников. И в этом смысле «Припоминания...» были одним из многих текстов, посвященных усопшему митрополиту Московскому [21, 22].

Но «Припоминания...» – это не только некролог и воспоминания о высокопреосвященном Иннокентии, это подведение жизненных итогов для самого Прокопия Васильевича, который скончается в следующем, 1880 г. Судьба святителя становится поводом для размышлений автора над собственной судьбой. Громов всегда ощущал близость к Иннокентию, считал его не просто современником, как скромно указано в заглавии, но «школьным товарищем» (по крайней мере они учились в Иркутской семинарии в одно и то же время), а впоследствии и соратником, собеседником и корреспондентом. Доказательство этой близости и составляет подлинную цель повествования, приводящую его к уровню романного обобщения.

Данная интенция, как и в случае с «Какими судьбами...», обозначена уже в первых строках, что может быть оценено как устойчивый прием и признак авторского стиля: «Промысел Божий как бы проводит иногда незримую нить от колыбели одного младенца к колыбели другого. Колыбели зыблются на дальнем одна от другой расстоянии, но зыблемым в них предназначено повстречаться на пути жизни и идти рука об руку через всю жизненную стезю. Нечто похожее могу сказать о моих отношениях к покойному теперь высокопреосвященнейшему митрополиту Иннокентию» [11. С. 27].

Один из мальчиков – Иван Попов (Вениаминов), другой – Прокопий Громов, образы же колыбели и нитей судьбы определяют внутреннюю символику текста.

Путь Иоанна Вениаминова, будущего святителя Иннокентия, – это «восхождение из славы в славу», определенное исключительными личными достоинствами героя, но, главное, особым о нем Промыслом Божиим. В воспоминаниях о детских годах своего героя Громов подчеркивает его незаурядный ум, трудолюбие, природное любопытство. В биографических и мемуарных сочинениях духовенства, даже в конце XIX в., часто отдается дань агиографической традиции. В наследии Громова также имеются собственно агиографические сочинения, посвященные первому Иркутскому святителю Иннокентию (Кульчицкому): по мнению Н.К. Чернышовой, именно Громов стоит у истоков его агиографии [9]. Однако в «Припоминаниях...» житийные мотивы если и присутствуют, то сильно редуцированные: их можно увидеть в указании на несходство Вениаминова с другими семинаристами, в том числе с самим Громовым, что подчеркивается авторским самоопределением «ничтожный» по отношению к будущему святителю.

Громов не описывает подробно первые годы миссионерства Иннокентия, так как это нарушило бы принцип личного свидетельства как основы мемуарного повествования. Он дает об этом периоде краткую информационную справку, составленную на основании путевых дневников и научных сочинений самого Иннокентия, прежде всего «Записок об островах Уналашкинского отдела».

Повествование возобновляется только с момента учреждения новой Камчатской епархии, первым епископом которой в 1840 г. и становится Иннокентий. Это назначение – не менее кардинальная и неожиданная перемена судьбы, чем решение отправиться миссионером на Аляску. Вопрос о выделении из состава Иркутской самостоятельной Камчатской Курильской и Алеутской епархии назревал долгие годы, но не решался по причине отсутствия необходимой кандидатуры. И только внезапная смерть супруги позволила о. Иоанну Вениаминову принять постриг с именем Иннокентий, а в скором времени и епископскую хиротонию. Таким образом, практически в одночасье простой миссионер стал владыкой новообразованной епархии.

Центральное совместное деяние мемуариста и его героя – поездка по обозрению Камчатской епархии зимой 1842/43 г. Составляя ее дневник, о. Прокопий выполняет традиционную функцию сопровождающего архиерея лица. Но как талантливому писателю ему удается превратить путевой журнал-отчет в увлекательнейшее повествование авантюрного плана. Вот, например, описание перевала через Дранкинский хребет: «Подъехав уже под вечер к обрыву, у которого дна не видно и по которому надлежало спускаться в темное ущелье, преосвященный сказал: “Ну, теперь я вижу физиономию Камчатки! Как же тут быть?”. “Извольте, Ваше Преосвященство, – сказал я, – шубу снять и надеть куклянку (которая была у него в запасе)”. Камчадальчики подвязали под торбаза (обувь) башлыки, это вроде подковок из железа с шипами, потом обвели преосвященного ремнем и приготовились

к его спуску. “А вы как спуститесь?” – спросил у меня преосвященный. “Поребачь, – отвечал я, – на оленьей шкуре, которая на мне (на мне была куклянка), скачусь вниз, как ребята катаются на масленнице, а чтоб не обнесло, возьму в руки оштол, чтоб, в случае быстрого разноса, упереться и отдохнуть, и чрез две минуты буду я на дне ущелья” [11. С. 80–81].

Как и в рассмотренных выше травелогах, в «Припоминаниях...» используется поэтика контраста: «Если бы кто нарисовал картину: на одной стороне изобразил иерарха, в скромном облачении, священнодействующего в глухом уголке на северной оконечности Камчатки, в смиренном деревянном храме... а на другой стороне представил бы этого же самого иерарха, совершающего служение в большом Московском Успенском соборе... где вместо обрюзглых, в оленьих куклянках и в торбазах камчадалов и камчадалок предостоят вельможи, сенаторы, министры в блещущих золотом одеяниях и дочери первопрестольной столицы... Какую бы выбрать для такой картины надпись? «Неисповедимы судьбы твои, Господи!» Приличнее не найти» [11. С. 78–79]. Совмещая два пространственно-временных измерения, две картины мира, казалось бы, бесконечно удаленные друг от друга – суровую и «скромную» Камчатку и великолепную Москву, Громов создает образ удивительной судьбы своего героя.

Но при всей исключительности своей биографии Иннокентий не искатель приключений, а православный подвижник. И его жизненный путь не может быть осмыслен в категориях окказионального, напротив, это путь апостольский – актуализация этого мотива в тексте и становится формой художественного завершения биографического сюжета: «В этом, одном из глубочайших ущелий Камчатки, как сейчас вижу епископа, в темную зимнюю ночь сидящего в одеянии из оленьих кож на камне, освещаемого заревом, отражающимся на вершинах гор, окружающих пропасть, среди добродушных детей природы камчадалов... Ни одному из русских иерархов не доводилось еще вносить свое благословение в подобные юдоли. Первому архиерею, Иннокентию Камчатскому, предоставлена в наше время честь олицетворить на себе начертанную апостолом Павлом картину многотрудной жизни подвижников веры: проидоша в милостех, и в козних кожах, лишени, скорбяще, озлоблени, в пустынях скитающесе и в горах и в вертепах и в пропастях земных» [11. С. 82–83].

Несмотря на близость, жизненные пути Прокопия Громова и Иннокентия (Вениаминова) существенно отличаются. Если жизнь святителя соответствует идеальной духовной и даже просто житейской схеме, то жизнь протоиерея часто от нее отстает. Так, на Камчатке он оказывается не только в результате данного Голенищеву обещания, как сам это описывает, но и вследствие конфликта с иркутским владыкой Иринеем (Нестеровичем), т.е. назначение было не личным, как у его героя, выбором автора, но своего рода ссылкой. По возвращении же в Иркутск, спустя почти 12 лет, ему придется долго восстанавливать свое материальное и служебное положение. «Одна только замечательная между нами разница: высокопреосвященный Иннокентий, от начала и до конца своего служения, восходил от славы в славу...

Со мною же, напротив, бывали такие толчки, которые выдвигали из меня сколоченную посуду, каковая, по пословице, два века живет. Сострадание обо мне вносило в наш союз долю с его стороны участия, а с моей – сердечного благодарения» [11. С. 101]. Для Громова характерно осознание своего внутреннего несовершенства, перед ним остро стоит проблема самоопределения.

В финале повествования, после отъезда автора с Камчатки и прекращения его личного общения со святителем, мотив совместного пути сменяется мотивом пространственной разделенности, которая, однако, не прерывает духовной связи между повествователем и его героем, даже после его смерти: «Нить, связующая нас в течение полувека, прервалась, хотя на самом деле она приняла только иной вид протяжения от времени к вечности». Синонимичность первых и последних строк книги замыкает повествование композиционно, но идейно, напротив, выводит его за пределы завершенности, что свойственно именно для романа. «Одна из задач романа – показать скрытую всеобщность жизни, что и осуществляет Громов на примере соотносительности своей судьбы с судьбой преосвященного. Символом этой всеобщности и становится образ нити, связующий две судьбы» [10. С. 21]

Говоря о романе и романизации мемуарно-автобиографического повествования, нельзя, однако, не учитывать их принципиального отличия – как вымышленного и ориентированного на документальность типа повествований. «Припоминания...» – сочинение документальное и реалистичное, по крайней мере, в отношении всего, что касается биографических фактов из жизни святителя: слишком бы высока была авторская ответственность за их искажение. Но романное начало проявляется не в фактах, а в способах их осмысления. О романе можно говорить в том случае, когда эта *взаимосвязь – автобиографического и мемуарного, своего и чужого – становится объектом сознательной авторской рефлексии*, а разворачивание этой проблемы во времени и пространстве – основой художественной целостности повествования и в то же время причиной его незавершенности («...вид протяжения от времени к вечности»). Именно это, на наш взгляд, и имеет место в «Припоминаниях...».

Какого-то принципиального художественного открытия в этом, конечно, нет. Мемуарист, пишущий об известном историческом лице, всегда старается подчеркнуть собственную с ним связь. И в этом стремлении может достигать уровня романного обобщения, показывающего «скрытую всеобщность жизни». Внимания заслуживает содержание этих связей, имеющее свои особенности в сочинении духовного писателя. «Судьба о. Прокопия, как это изображено в «Припоминаниях...», приобретает осмысленность и целостность только в контексте судьбы Иннокентия... Оправдание своей жизни автор прозревает в жизни «другого», более совершенного в духовном отношении, соратником и другом которого ему довелось быть» [10. С. 21].

Отношения со святителем как духовным авторитетом имеют для Громова метафизический характер, это своего рода *высшая реальность*, которую Громов и хотел бы приоткрыть своим читателям. «Припоминания...»,

таким образом, могут рассматриваться в контексте «реализма в высшем смысле», как он представлен в романах Достоевского, или «христианского реализма» (как литературоведческий термин впервые был введен В.Н. Захаровым [1] и получил дальнейшее теоретическое обоснование в работах И.А. Есаулова [23]) – «трансгисторического творческого принципа», основанного на «сопряжении человеческого и Божественного планов бытия в единый художественный образ» [23]. Божий промысел как определяющая судьбу сила, апостольский подвиг, роль духовного авторитета в жизни человека – все эти мотивы в сочинениях протоиерея П.В. Громова и определяют сущность его христианского реализма.

Особенно важно, что данные мотивы встречаются не только в его сочинениях, они характерны для сибирской духовной словесности в целом. Так, в «Путевых записках» архиепископа Нила (Н.Ф. Исаковича) создается образ Сибири как храмового пространства, освященного присутствием Творца, а позитивная программа собственной судьбы в Сибири сводится к реализации апостольского сюжета [24]. В автобиографии иркутского архиепископа Вениамина (В.А. Благодравова) используется житийная топка, а центральными мотивами повествования являются Божественный промысел и духовное покровительство святителя Иннокентия (Кульчицкого) [25]. Сюжет путевых дневников святителя Герасима (Г.И. Добросердова) определяется перемещением решившегося на монашеский постриг автора не только в физическом пространстве, но и его переходом из мирской, чувственной и окказиональной картины мира в сферу сугубо духовной жизни [26]. Вместе с тем все эти сочинения имеют несомненную связь и со светской литературой Сибири: они используют актуальные для нее жанры и дополняют создаваемый светскими авторами образ Сибири.

Подводя итог сказанному, можно предположить, что роль духовной словесности в общей истории сибирской региональной литературы и заключается в привнесении в сибирский текст черт христианского реализма, связывающих его с многовековыми традициями христианской словесности и их отражением в русской классической литературе.

Список источников

1. Захаров В.Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. С. 5–20.
2. Есаулов И.А. Христианская традиция и художественное творчество // Проблемы исторической поэтики. 2005. № 7. С. 17–28.
3. Дунаев М.М. Православие и русская литература : [в 6 ч.]. 2-е изд., испр., доп. М. : Христиан. лит., 2001–2004.
4. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М. : Кругъ, 2004. 559 с.
5. Христианство и новая русская литература XVIII–XX веков : библиогр. указ., 1800–2000 / сост. А.П. Дмитриев, Л.В. Дмитриева ; под ред. В.А. Котельникова. СПб. : Наука, 2002. 891 с.
6. Костанов А.И. Документальная история Сибири. XVII – середина XIX вв.: (Ист.-архивовед. исслед.). Владивосток : Дальнаука, 2007. 351 с.

7. *Кусков В.П.* Краевед Прокопий Громов // Краеведческие записки. Петропавловск-Камчатский, 1970. Вып. 2. С. 124–133.
8. *Крючкова Т.А.* Вклад духовенства Иркутской епархии в изучение истории Сибири // Сибирь (Иркутск). 2010. № 4. С. 178–183.
9. *Чернышова Н.К.* Почитание святителя Иннокентия Иркутского в духовной культуре России: книжная и рукописная традиция (1805–1919 гг.). Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2009. 534 с.
10. «*Припоминания современника о высокопреосвященном Иннокентии*» протоиерея Прокопия Громова: к вопросу о мемуарах сибирского духовенства // Сибирский филологический журнал. 2007. № 2. С. 16–21.
11. *Громов П.В.* Припоминания современника о высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском / сост. С.В. Мельникова. Иркутск : ИОГУНБ, 2014. 260 с. Серия: Мемуары сибирского православного духовенства XIX века. Вып. 2.
12. *Громов П.В.* Какими судьбами я был управлен в Камчатку // Иркутские епархиальные ведомости: Прибавления. 1869. № 2. С. 16–22, № 3. С. 29–33.
13. *Громов П.В.* Путь из Иркутска в Камчатку // Иркутские епархиальные ведомости: Прибавления. 1869. № 4. С. 41–47; № 5. С. 56–63; № 6. С. 75–80; № 7. С. 81–87, № 9. С. 105–114; № 12. С. 145–149; № 16. С. 193–201; № 17/18. С. 216–222; № 20. С. 249–257.
14. *Камчатка* в судьбе иркутского протоиерея П.В. Громова (1801–1880) и его научном и мемуарном наследии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История русской православной церкви. 2019. № 87. С. 11–22.
15. *Константинова Н.В.* Специфика «художественного сознания» в женском травелоге первой половины XIX века (на материале записок Е.А. Авдеевой) // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 12. С. 3644–3648. doi: 10.30853/phil20210650
16. *Паньков Н.А.* М.М. Бахтин и теория романа // Вопросы литературы. 2007. № 3. С. 252–315.
17. *Тютелова Л.Г.* Теория романа М.М. Бахтина и проблема романизации драмы // Вестник Самарского государственного университета. 2012. №2-1(93). С. 121–126.
18. *Русский травелог XVIII – начала XX века: аннотированный указатель* / под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск : Номо Пресс, 2018. С. 240–392.
19. *Строганов М.В.* Заглавие как проблема исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19, № 3. С. 53–77.
20. *Кржижановский С.Д.* Поэтика заглавий. М. : Никитинские Субботники, 1931. 31 с.
21. *Виноградов А.А.* Воспоминания о высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1879. № 39. С. 441–457.
22. *Сизой А.* Годичное поминование в Благовещенске митрополита Иннокентия // Иркутские епархиальные ведомости: Прибавления. 1880. № 34. С. 430–434.
23. *Есаулов И.А.* Христианский реализм как художественный принцип русской классики // Феномен русской духовности. Калининград, 2007. С. 9–20. URL: <https://esaulov.net> (дата обращения: 07.07. 2023).
24. *Мельникова С.В.* «В кораблике моем горит свеча...»: образ реки в «Путевых записках» архиепископа Нила (Н.Ф. Исаковича) // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20, № 1. С. 110–133.
25. *Мельникова С.В.* Формы авторского самоопределения и самооценки в церковной автобиографии (на примере сочинений Иркутского архиепископа Вениамина) // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 112–120.
26. *Мельникова С.В.* Духовная проза Сибири: дневники епископа Герасима (Г.И. Доброserдова) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 346. С. 29–35.

References

1. Zakharov, V.N. (2001) Khristianskiy realizm v russkoy literature (postanovka problemy) [Christian realism in Russian literature (statement of the problem)]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 6. pp. 5–20.
2. Esaulov, I.A. (2005) Khristianskaya traditsiya i khudozhestvennoe tvorchestvo [Christian tradition and artistic creation]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 7. pp. 17–28.
3. Dunaev, M.M. (2001–2004.) *Pravoslaviye i russkaya literatura* [Orthodoxy and Russian literature]. In 6 parts. 2nd ed. Moscow: Khristianskaya literatura.
4. Esaulov, I.A. (2004) *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [The Paschal Archetype of Russian Literature]. Moscow: Krug".
5. Dmitriev, A.P. & Dmitrieva, L.V. (2002) *Khristianstvo i novaya russkaya literatura XVIII–XX vekov : bibliograficheskiy ukazatel', 1800–2000* [Christianity and the New Russian Literature of the 18th–20th centuries: Bibliography, 1800–2000]. Saint Petersburg: Nauka.
6. Kostanov, A.I. (2007) *Dokumental'naya istoriya Sibiri. XVII – seredina XIX vv.: (Istoriko-arkhivovedcheskoe issledovanie)* [The documentary history of Siberia. 17th – mid-19th centuries: (historical and archival research)]. Vladivostok: Dalnauka.
7. Kuskov, V.P. (1970) Kraeved Prokopy Gromov [Prokopy Gromov as a local historian]. *Kraevedcheskie zapiski. Petropavlovsk-Kamchatskiy*. 2. pp. 124–133.
8. Kryuchkova, T.A. (2010) Vklad dukhovenstva Irkutskoy eparkhii v izuchenie istorii Sibiri [The contribution of the Irkutsk eparchy clergy to the study of Siberian history]. *Sibir' (Irkutsk)*. 4. pp. 178–183.
9. Chernyshova, N.K. (2009) *Pochitanie svyatitelya Innokentiya Irkutskogo v dukhovnoy kul'ture Rossii: knizhnaya i rukopisnaya traditsiya (1805–1919 gg.)*. [Veneration of St. Innocent of Irkutsk in Russian spiritual culture: book and manuscript tradition (1805–1919)] Novosibirsk: Gosudarstvennaya publichnaya nauchno-tehnicheskaya biblioteka Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk.
10. Mel'nikova, S.V. (2007) “Pripominaniya sovremennika o vysokopreosvyashchennom Innokentii” protoiereya Prokopya Gromova: k voprosu o memuarakh sibirskogo dukhovenstva [Archpriest Prokopy Gromov's “Memoirs of a Contemporary about His Eminence Innocent”: On the memoirs of Siberian Clergy]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 16–21.
11. Gromov, P.V. (2014) *Pripominaniya sovremennika o vysokopreosvyashchennom Innokentii, mitropolite Moskovskom* [Memoirs of a Contemporary about His Eminence Innocent, Metropolitan of Moscow]. Compiled by S.V. Mel'nikova. Irkutsk: Irkutskaya oblastnaya gosudarstvennaya universal'naya nauchnaya biblioteka.
12. Gromov, P.V. (1869) Kakimi sud'bami ya byl upravlen v Kamchatku [What fate has brought me to Kamchatka]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti. Pribavleniya*. 2. pp.v16–22, 3. pp. 29–33.
13. Gromov, P.V. (1869) Put' iz Irkutsk v Kamchatku [The trip from Irkutsk to Kamchatka]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti. Pribavleniya*. 4. pp. 41–47, 5. pp. 56–63, 6. pp. 75–80, 7. pp. 81–87, 9. pp. 105–114, 12. pp. 145–149, 16. pp. 193–201, 17/18. pp. 216–222, 20. pp. 249–257.
14. Mel'nikova, S.V. (2019) Kamchatka v sud'be irkutskogo protoiereya P.V. Gromova (1801–1880) i ego nauchnom i memuarom nasledii [Kamchatka in the fate of the Irkutsk archpriest P.V. Gromov (1801–1880) and his academic and memoirs heritage]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya russkoy pravoslavnoy tserkvi*. 87. pp. 11–22.
15. Konstantinova, N.V. (2021) Spetsifika “khudozhestvennogo soznaniya” v zhenskom traveloge pervoy poloviny XIX veka (na materiale zapisok E.A. Avdeevoy) [Specifics of “artistic consciousness” in female travelogue of the first half of the 19th century (based on the

notes of E.A. Avdeeva)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 14 (12). pp. 3644–3648.

16. Pan'kov, N.A. (2007) M.M. Bakhtin i teoriya romana [Bakhtin and the theory of the novel]. *Voprosy literatury*. 3. pp. 252–315.

17. Tyutelova, L.G. (2012) Teoriya romana M.M. Bakhtina i problema romanizatsii dramy [Bakhtin's theory of the novel and the problem of drama novelisation]. *Vestnik Samarского gosudarstvennogo universiteta*. 2–1 (93). pp. 121–126.

18. Pecherskaya, T.I. (ed.) (2018) *Russkiy travelog XVIII – nachala XX veka: annotirovannyi ukazatel'* [Russian travelogues of the 18th – early 20th centuries: annotated index]. Novosibirsk: OOO Nomo Press.

19. Stroganov, M.V. (2021) Zaglavie kak problema istoricheskoy poetiki [The title as a problem of historical poetics]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 19 (3). pp. 53–77. doi: 10.15393/j9.art.2021.9942

20. Krzhizhanovskiy, S.D. (1931) *Poetika zaglaviy* [Poetics of titles]. Moscow: Nikitinskiye Subbotniki.

21. Vinogradov, A.A. (1879) Vospominaniya o vysokopreosvyashchennom Innokentii, mitropolite Moskovskom [Memoirs of His Eminence Innocent, metropolitan of Moscow]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti. Pribavleniya*. 39. pp. 441–457.

22. Sizoy, A. (1880) Godichnoe pominovanie v Blagoveshchenske mitropolita Innokentiya [The first year of metropolitan Innokentiy's commemoration in Blagoveshchensk]. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti. Pribavleniya*. 34. pp. 430–434.

23. Esaulov, I.A. (2007) Khristianskiy realizm kak khudozhestvennyy printsip russkoy klassiki [Christian realism as an artistic principle of Russian classics]. In: *Fenomen russkoy dukhovnosti* [The phenomenon of Russian spirituality]. Kaliningrad: Immanuel Kant State University of Russia. pp. 9–20. [Online] Available from: <https://esaulov.net> (Accessed:07.07.2023)

24. Melnikova, S. V. (2022) “V korablike moem gorit svecha...”: obraz reki “Putevyh zapiskah” arhiiepiskopa Nila (N. F. Isakovicha) [“A Candle Is Burning in My Boat...”: The Image of the River in the “The Travel Notes” of Archbishop Nil (N. F. Isakovich)]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 20 (1). pp. 110–133. doi: 10.15393/j9.art.2022.10222

25. Mel'nikova, S.V. (2012) Formy avtorskogo samoopredeleniya i samoosenski v tserkovnoy avtobiografii (na primere sochineniy Irkutskogo arhiiepiskopa Veniamina) [Forms of author's self-definition and self-evaluation in church autobiography (on the example of the works of Irkutsk Archbishop Veniamin)]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 112–120.

26. Mel'nikova, S.V. (2011) Spiritual prose of Siberia: Diaries of Bishop Gerasim (G.I. Dobroserdov) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal* 346. pp. 29–35. (In Russian).

Информация об авторе:

Мельникова С.В. – канд. филол. наук, доцент, гл. научный сотрудник отдела библиографии Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского (Иркутск, Россия); докторант кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: memuaristika@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.V. Melnikova, Cand. Sci. (Philology), docent, senior research fellow, Irkutsk Regional State Universal Scientific Library named after I.I. Molchanov-Sibirsky (Irkutsk, Russian Federation); postdoctoral student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: memuaristika@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.07.2023;
одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 26.12.2023.*

*The article was submitted 20.07.2023;
approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication 26.12.2023.*